

Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена⁷.

В свою очередь, стихотворение «Кинжал» откликнется в элегии «Андрей Шень»:

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламеня,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!

(II, 401)

В печати историческая элегия Пушкина появилась с посвящением Н. Н. Раевскому. Вероятно, и здесь можно увидеть намек на его однофамильца, Владимира Федосеевича, имя которого было нельзя в ту пору открыто упомянуть. В любом случае замысел подобного произведения возник у Пушкина именно в связи с судьбой тираспольского узника.

С. А. Фомичев

К ИСТОЧНИКАМ ПУШКИНСКОЙ «ФИЛОСОФИИ СЛУЧАЯ»: ГЕЛЬВЕЦИЙ¹

Пушкинская точка зрения на роль случая² в эвристике наиболее полно выражена в наброске «О сколько нам открытий чудных...»,

⁷ Там же. С. 154.

¹ Статья написана в рамках именной профессуры в Европейском университете в Санкт-Петербурге, спонсируемой The Coca-Cola Company.

² Социокультурный контекст отношения к случаю в пушкинскую эпоху исследован в классической работе Ю. М. Лотмана «“Пиковая дама” и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века» (наиболее доступное ее издание: Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 786—814). Обширный ряд возможных источников и параллелей к текстам

реконструированном Т. Г. Зенгер (Цявловской) на основании чернового автографа с обильной правкой и нескольких его перебеленных строк:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, [сын] ошибок трудных,
И Гений, [парадоксов] друг,
[И Случай, бог изобретатель]

(Ш, 464)

Последняя строка имеет наибольшее число вариантов:

- а. *Начато*: И Случай, вождь
- б. И Случай < > всех
- в. И Случай < > отец
- г. И Случай < > слепой
- д. И Случай < > отец —
Изобретательный слепец —
- е. < > Случай бог изобретатель —
- ж. [И ты слепой изобретатель]

(ПД 841, л. 20)

Три из четырех известных нам гипотез о происхождении этого наброска более или менее явно тяготеют к биографизму. Тенденцию задал М. П. Алексеев, связавший его возникновение «с теми мыслями, которые должны были возникнуть у Пушкина» при встречах со знаменитым путешественником и изобретателем П. Л. Шиллингом. В конце 1829 г. поэт хотел присоединиться к экспедиции Шиллинга и о. Иакинфа (Бичурина) к китайской границе; Алексеев предположил, что этому должно было предшествовать личное общение с организаторами. Наш набросок записан на л. 20 тетради ПД 841, а на л. 26 находится черновик стихотворения «Пою: я готов...» с упоминанием «подножия стены далекого Китая»

Пушкина, непосредственно затрагивающим тему случая, был предложен несколькими учеными, наблюдения которых суммированы и дополнены в книге С. А. Кибальника «Художественная философия Пушкина» (СПб., 1998. С. 112–135) и в электронной публикации Н. В. Перцова «О хрестоматийном наброске А. С. Пушкина: Житейский контекст и историко-литературная подоснова: (“О сколько нам открытий чудных...”)”» — <http://pushkinopen.ru/texts/view/29> (доступ 15.12.2013). Задача настоящих заметок — верифицировать часть выдвинутых гипотез и предложить несколько новых источников.

(III, 191) и пометой под текстом «23 декабря 1829».³ Исходя из этого Алексеев датировал «О сколько нам открытий чудных...» 23—24 декабря 1829 г. и увидел в нем непосредственное отражение того впечатления, которое должна была произвести на Пушкина яркая личность изобретателя: «...на живом примере Шиллинга он мог сопоставлять и различные типы и пути научных исследований, роль случая и труда в изобретениях и странствованиях».⁴

Уязвимость этих рассуждений бросается в глаза: Алексеев выдвинул гипотезу о личном общении поэта и изобретателя в декабре 1829 г., исходя из интерпретации текста, а текст интерпретировал на основании выдвинутой гипотезы. Не вполне основательно и предположение о хронологической близости двух стихотворений: тетрадь ПД 841 заполнялась на протяжении нескольких лет (1829—1831), при этом более поздние тексты записывались на свободных местах рядом с более ранними. Наш набросок — из числа вписанных позже, а его датировка еще нуждается в уточнении.⁵ Встречи с Шиллингом могло и не быть,⁶ а если она и была, то набросок мог быть написан до нее.

С. М. Громбах подкрепил предложенные им текстуальные источники наброска — биографическими. Он полагал, что Пушкин полемизировал с афоризмом Гиппократов «*vita brevis, ars longa, occasio autem praeseps, experimentum periculosum, iudicium difficile*», который мог быть известен ему из университетской речи известного московского врача М. Я. Мудрова (1813; издана отдельной брошюрой в 1814 г.): «Наука наша <...> так длинна, что целая жизнь для нее коротка, время так едко и быстро, что случай в оном

³ С этой датой стихотворение впервые появилось в печати: Московский вестник. 1830. Ч. 3, № 11. С. 95. Кроме того, близкая дата: «1824/24 дек<абря>» стоит на обороте л. 26 (ПД 841).

⁴ Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени: (Разыскания и этюды) // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 64—65 (здесь же на с. 63 воспроизведен автограф наброска).

⁵ Набросок «О сколько нам открытий чудных...» вписан другим почерком и пером под заметкой «Несколько московских литераторов», которую Я. Л. Левкович датировала первой половиной ноября 1829 г. (Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 266, 276). Предложение исследовательницы отнести к первой половине ноября 1829 г. и этот набросок противоречит ее собственному наблюдению о том, что он написан тем же почерком и пером, что и отклик на брошюру М. Ф. Орлова о Н. Н. Раевском (ПД 841, л. 18), уверенно датируемый ею 5—29 декабря 1829 г. (Там же. С. 269, 276).

⁶ Документированы встречи Пушкина с Шиллингом в 1818, 1827, 1828 и 1834 гг. (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 498).

скоротечен, опыт опасен, суждение трудно».⁷ Оживить в памяти Пушкина афоризм Гиппократ в купе с верой Мудрова в неостановимый прогресс науки могла бы личная встреча (Мудров был домашним врачом родителей Пушкина), однако, как признает Громбах, никаких сведений об их общении в конце 1820-х гг. нет.

Еще одним источником, повлиявшим на пушкинскую оценку случая, Громбах называет книгу Фр. Ансильона «Pensées sur l'homme, ses rapports et ses intérêts», подаренную ему П. Я. Чаадаевым в том же 1829 г. Ансильон, по словам Громбаха, признавал, что «важную роль в развитии наук и искусств играл случай и что многие открытия в науках обязаны своим происхождением счастливым уклонениям, зигзагам (saillies), приводящим к непредвиденным открытиям».⁸

Однако Ансильона трудно отнести к числу безоговорочных поклонников случая — ср.:

Le hasard seroit un mot vide de sens, s'il ne signifioit les causes inconnues quand on parle du passé, et les effets inattendus et inexplicables quand on parle du présent. Le hasard, proclamé et employé dans l'histoire et dans la philosophie, comme une puissance capricieuse et une force aveugle, est déplacé dans l'une et dans l'autre. L'une doit expliquer les faits, et l'autre les êtres, et le hasard n'explique rien.⁹

Перевод:

Случай был бы пустым словом, если бы им не обозначали неизвестных причин, когда речь идет о прошлом, или неожиданных и необъяснимых последствий, когда речь идет о настоящем. Случай, прославляемый и используемый в истории и в философии в качестве капризной власти и слепой силы, неуместен ни в первой, ни во второй. Первая должна объяснять факты, вторая — людей, а случай не объясняет ничего.

Не отрицая роли случая, Ансильон советовал тем не менее историку науки о ней умалчивать:

⁷ Мудров М. Я. Слово о благочестии и нравственных качествах Гиппократова врача, на обновление в Императорском Московском университете медицинского факультета <...> 1813 года Октября 13-го дня. М., 1814. Цит. по: Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. М., 1989. С. 32.

⁸ Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. С. 33—34.

⁹ Ancillon J. P. F. Pensées sur l'homme, ses rapports et ses intérêts. Berlin, 1829. Т. 1. P. 91. Здесь и далее все переводы принадлежат автору настоящей статьи.

Le hasard joue un très-grand rôle dans l'histoire des sciences et des arts. Mais quelque grande que soit sa part dans tous les ouvrages de l'homme, du moment où l'on entreprend d'écrire l'histoire des sciences, il faut faire la part du hasard aussi petite que possible, donner tout à la prévoyance, au dessein, à la raison, et rien aux combinaisons fortuites.¹⁰

Перевод:

Случай играет очень большую роль в истории наук и искусств. Однако, сколь бы ни была велика эта роль во всех созданиях человека, решившись создать историю науки, мы должны максимально преуменьшить ее, приписав все предвидению, плану, разуму и ничего — случайным комбинациям.

Таким образом, если рассуждения Ансильона о случае (как мы увидим далее, далеко не оригинальные) и повлияли на Пушкина, то только в полемическом плане.

Н. В. Перцов последовал за своими предшественниками («импульсами к написанию наброска “О сколько нам открытий чудных...” могли быть мысли Гиппократы, Ф. Ансильона, М. Я. Мудрова, П. Л. Шиллинга»¹¹) и пополнил ряд «биографических импульсов» еще одним — знакомством Пушкина в ноябре 1829 г. с известным ученым и путешественником А. фон Гумбольдтом. Свою гипотезу Перцов подкрепил текстуальной переключкой между пушкинским наброском и финалом речи Гумбольдта в Российской Академии наук 16 ноября 1829 г. (напечатана в приложении к «Санкт-Петербургским ведомостям», № 139 от 20 ноября 1829 г.):

Я означил здесь совокупность усилий, посредством которых исследованы были разные части сей Империи с помощью новых познаний, новых инструментов, новых методов созерцания, основанных на сходстве доселе неизвестных событий. <...> Восхищавшись во время путешествия сокровищами ископаемого царства и чудесами физической природы, вмению себе в приятную обязанность указать <...> на умственные сокровища народа, на труды мужей, кои, с бескорыстной преданностью посвятив себя наукам, странствуют по своему отечеству или в уединении кабинета мыслями предупреждают и путем вычисления и опыта заготовляют будущие открытия.¹²

¹⁰ Ibid. P. 136.

¹¹ Перцов Н. В. О хрестоматийном наброске А. С. Пушкина.

¹² Цит. по статье Н. В. Перцова.

Совпадение слов *опыт* и *открытие* позволило Перцову предположить, что «либо непосредственно по прочтении этой речи немецкого ученого, либо после беседы (или бесед) с ним в светском салоне (или салонах), либо уже после отъезда Гумбольдта из России, имевшего место 3 декабря (скажем, по прочтении в номере 151 «Северной пчелы» от 17 декабря «Письма к Издателям» о «Встрече со знаменитым Гумбольдтом в Русском Музее П. П. Свинына»), поэт прервал в рабочей тетради работу над текущими замыслами и на свободной от записей половине страницы, торопясь и зачеркивая слова, набросал вдохновенные “научно-поэтические” строки».¹³

* * *

Как бы ни были увлекательны исследования биографических импульсов к созданию поэтических текстов, им редко удается выйти из области недоказуемых гипотез. Иное дело — текстуральные переклички. На наш взгляд, ни один из предложенных источников пушкинского наброска не обладает той степенью лексической и, что еще важнее, идейной близости к нему, которую демонстрируют фрагменты трактатов Гельвеция «Об уме» (1758) и «О человеке» (1773).

Гельвеций был едва ли не самым последовательным защитником исключительной роли случая в эвристике (положительные отзывы Ансильона об опыте восходят к его формулировкам). «Философия случая» развивается и в трактате «Об уме» (Рассужд. III, гл. 1: «Следует ли считать ум даром природы или же результатом воспитания»), и в трактате «О человеке», где ей посвящен весь раздел III, озаглавленный «Об общих причинах неравенства умов». Причин этих философ признавал всего две: «Первая — разное сцепление событий, обстоятельств и ситуаций, влияющих на человека, которое я называю случаем. Вторая — более или менее сильное желание учиться».¹⁴

Le hasard n'est pas précisément aussi favorable à tous; et cependant il a plus de part qu'on n'imagine aux découvertes dont on fait honneur au génie. Pour connaître toute l'influence du hasard, qu'on consulte l'expérience; elle nous apprendra que, dans les arts, c'est à lui que nous devons presque toutes nos découvertes. En chimie, c'est au travail du grand œuvre que les adeptes doivent la plupart de leurs secrets. Ces secrets n'étaient pas l'objet de leur recherche; ils ne doivent donc pas être regardés comme le produit du génie. Qu'on applique aux

¹³ Там же.

¹⁴ *Helvétius. Œuvres complètes.* Paris, 1818. Т. 2. Р. 191–192.

différens genres de sciences ce que je dis de la chimie, on verra qu'en chacune d'elles le hasard a tout découvert.¹⁵

Перевод:

Случай милостив не ко всем, однако роль его в открытиях, честь которых обыкновенно приписывают гению, много больше, чем принято думать. Чтобы оценить влияние случая, обратимся к опыту: он покажет нам, что в искусствах именно ему мы обязаны почти всеми открытиями. В химии большинство секретов было открыто алхимиками в поисках философского камня. Не следует относить к созданиям гения открытия, которые не были целью его поисков. Применив к разным наукам то, что я говорю о химии, мы увидим, что всеми открытиями в них мы обязаны случаю.

В трактате «Об уме» приведены примеры величайших открытий, совершенных вследствие случайности: Галилей открыл давление воздуха благодаря вопросу садовников, разбивавших фонтаны, Ньютон пришел к пониманию закона всемирного тяготения, наблюдая за падением яблока и т. д. Среди открытий такого рода Гельвеций упомянул и порох («Об уме». Рассужд. IV, гл. 1 «О гении») — характерно, что в пушкинских «Сценах из рыцарских времен» предполагался эпизод случайного изобретения пороха в процессе поисков философского камня.

Случаем Гельвеций объяснял и само появление гениев. Доказательству этого тезиса посвящены главы «О гении» в трактате «Об уме» (Рассужд. IV, гл. 1) и «Случаи, которым мы обязаны многими знаменитостями» в трактате «О человеке» (Разд. I, гл. 8); последнюю Пушкин должен был читать с особым любопытством, поскольку речь в ней шла в основном о знаменитых литераторах.¹⁶ Философ рассуждал следующим образом: если бы Кромвель не умер, а Мильтон не сохранил верность его сыну, поэт не попал бы в опалу, не подвергся бы ссылке, не был бы вынужден уехать в деревню, «где на досуге, доставленном ему уединением и немилостью, он сочинил поэму, которую задумал в молодости и которая сделала

¹⁵ Ibid. Т. 1. Р. 191.

¹⁶ Колоритный пример из жизни писателей есть и в трактате «Об уме»: несчастным происшествием с Буало, которого индюк в детстве лишил важнейшей части мужских достоинств, Гельвеций объяснял строгость нравов и скудость чувств этого поэта, его насмешки над женщинами, нелюбовь к галантной литературе и даже отвращение к иезуитам, которые и ввели индюков во Францию (Рассужд. III, гл. 1, примеч. 1). Об этом рассказе как возможном источнике пушкинской эпиграммы «Сравнение» («Не хочешь ли узнать, моя драгая...», 1816?) см.: АПСС. Т. 1. С. 735.

его великим человеком».¹⁷ Если бы Шекспир остался торговцем шерстью, как его отец, если бы «дурное поведение» не повлекло за собой цепочку злоключений, которые привели его в театр, «его имя не прославило бы Англии».¹⁸ Случайностям человечество обязано проявлению гениев Корнеля и Мольера. Случай определил любовь Руссо к парадоксам: предложенная Дижонской Академией причудливая (*bizarre*) тема для рассуждения («Не были ли науки всегда более вредны, чем полезны для общества?») требовала парадоксального развития, и Руссо в нем преуспел.

De là, sa gloire, ses infortunes et ses paradoxes. Frappé des beautés de son propre discours, les maximes de l'orateur deviennent bientôt celles du philosophe; et, de ce moment, livré à l'amour du paradoxe, rien ne lui coute. <...> Rousseau, ainsi qu'une infinité d'hommes illustres, peut donc être regardé comme un des chefs-d'œuvre du hasard.¹⁹

Перевод:

Отсюда его слава, его несчастья и его парадоксы. Пораженный красотою собственной речи, он вскоре превращает максимы оратора в максимы философа и с этого момента, охваченный любовью к парадоксам, ни перед чем не останавливается. <...> Руссо, как и бесчисленное множество других знаменитостей, можно причислить к произведениям случая.

Приведенные цитаты содержат ключевые понятия пушкинского отрывка: открытия, опыт, гений, парадокс и случай. Мы не станем касаться вопроса о соотношении пушкинской и гельвецианской трактовки первых четырех из этих понятий и сосредоточимся на последнем. Пушкинские варианты той строки, на которой оборвалась стихотворение, находят прямые параллели в рассуждениях Гельвеция: ср. утверждение философа о том, что все научные открытия совершены случайно и/или в ходе поисков чего-то иного, с вариантами «Случай, вождь»; «Случай < > всех»; «Случай бог изобретатель»; «Изобретательный слепец». Вариант «Случай < >

¹⁷ *Helvétius*. Œuvres complètes. Т. 2. Р. 27. Параллели с обстоятельствами создания «Бориса Годунова» запрашиваются. Ср. также финал пушкинского «Воображаемого разговора с Александром I» (1824): «Тут бы П<ушкин> разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму, Ермак или Кочум русским <?> размером с рифмами» (XI, 24).

¹⁸ *Helvétius*. Œuvres complètes. Т. 2. Р. 27.

¹⁹ *Ibid.* Р. 30–31.

отец» может быть связан с мыслью Гельвеция о том, что случай ответственен и за появление гениев.

Можно предполагать, что Пушкин не оставил без внимания и практические выводы из этих рассуждений. Демонстрация важности случая в эвристике была частью рассуждений об ограниченных возможностях воспитания. Гельвеций утверждал, что «если и существуют надежные методы для воспитания ученых и даже умных людей, никакая метода не позволит воспитать гениев и изобретателей»,²⁰ поскольку появление последних целиком зависит от случая. Следует ли из этого, что нет способа ограничить власть случая и увеличить число гениев и открытий? Парадоксальным образом, не следует (Гельвеций любил парадоксы ничуть не меньше Руссо).²¹ Хотя от рождения все люди наделены одинаковыми умом и способностями (Гельвеций придерживался учения Локка о *tabula rasa*), их умственное развитие могут ускорить страсти. Чтобы заставить людей быть прилежными, надо «воспламенить в них страсть соревнования, славы и любви к истине»,²² а для этого требуются благоприятные общественные условия:

Supposons que, pour produire un homme de génie, le hasard doit se combiner en lui avec l'amour de la gloire; supposons encore qu'un homme naisse dans un gouvernement où, loin d'honorer, on avilisse les talens: dans cet empire, il est évident que l'homme de génie sera entièrement l'œuvre du hasard. <...> Supposons, au contraire, que cet homme naisse dans un siècle et sous une forme de gouvernement où le mérite soit honoré. Alors il est évident que son amour pour la gloire et son génie ne seront point en lui l'œuvre du hasard, mais de la constitution même de l'état, par conséquent de son éducation, sur laquelle la forme des gouvernemens a toujours la plus grande influence.²³

Перевод:

²⁰ Ibid. P. 193.

²¹ Мнение В. А. Грехнева, утверждавшего, что пушкинская «формула “Гений парадоксов друг” знаменует собой такую высоту мышления, которая и не снилась просветительскому рационализму», к сожалению, неосновательно. Забавным образом примером философа, выразившего «самую суть рационалистических представлений о путях и возможностях познания» (т. е. далекого от пушкинской пронципальности), Грехнев избрал именно Гельвеция. — Грехнев В. А. Пушкин и философия случая // Под знаком Пушкина: Болдино. Болдино, 2003. С. 156.

²² *Helvétius. Œuvres complètes. T. 2. P. 196–197.*

²³ Ibid. P. 194.

Предположим, что для появления гениального человека случай должен сочетаться в нем с любовью к славе; предположим, что человек родится там, где правительство не только не чтит, но унижает таланты: очевидно, что в такой империи появление гения будет исключительно даром случая. <...> Предположим, напротив, что человек родился в такое время и при таком правительстве, которое почитает заслуги. Очевидно, что тогда его любовь к славе и его гений будут плодом не случая, а самого государственного устройства, а следовательно, и образования, на которое наибольшее влияние всегда оказывает форма правления.

Исходя из этого Гельвеций рекомендовал правителям, во-первых, всячески поощрять распространение образования, приумножая тем самым число разумных людей, из которых игрою случая могут получиться гении, а во-вторых, окружить ученые заслуги таким почетом и славой, чтобы они стали предметом страсти.

Сходным образом Пушкин в записке о народном воспитании, составленной для Николая I (1826), советовал воспользоваться пагубной *страстью* к чинам для распространения просвещения:

Чины сделались страстию русского народа. <...> В других землях молодой человек кончает круг учения около двадцати пяти лет; у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо тридцати лет быть полковником или коллежским советником. <...> Можно по крайней мере извлечь некоторую пользу из самого злоупотребления и представить чины целью и достоянием просвещения... (XI, 44)

* * *

Гельвеций приписывал одинаковую важность случаю в науке и в истории. В трактате «О человеке» он писал:

Les événemens de notre vie sont souvent le produit des plus petits hasards. Je sais que cet aveu répugne à notre vanité. Elle suppose toujours de grandes causes à des effets qu'elle regarde comme grands. C'est pour détruire les illusions de l'orgueil, qu'empruntant le secours des faits, je prouverai que c'est aux plus petits accidens que les citoyens les plus illustres ont été quelquefois redevables de leurs talens. D'où je conclurai que le hasard agissant de la même manière sur tous les hommes, si ses effets sur les esprits ordinaires sont moins remarquables, c'est uniquement parce que ces sortes d'esprits sont moins remarquables. <...> En morale comme en physique, le grand seul nous frappe. On suppose toujours de grandes causes à de grands effets. On veut que des signes dans le ciel annoncent la chute ou les révolutions des empires. Cependant que de croisades entreprises ou suspendues, de révolutions exécutées ou prévenues, de guerres allumées ou éteintes, par les intrigues d'un prêtre, d'une femme ou d'un ministre! C'est faute de mémoires ou d'anecdotes secrètes, qu'on ne retrouve pas partout le gant de la duchesse de Marlborough. Qu'on applique aux simples citoyens ce que je dis des empires, l'on voit pareillement que leur élévation ou leur

abaissement, leur bonheur ou leur malheur, sont le produit d'un certain concours de circonstances et d'une infinité de hasards imprévus et stériles en apparence.²⁴

Перевод:

Происшествия нашей жизни часто порождены самыми мелкими случайностями. Я знаю, что это мнение противно нашему тщеславию, предполагающему, что у событий, которые кажутся нам великими, непременно должны быть великие причины. Чтобы разрушить заблуждения гордыни, я вооружусь фактами и докажу, что самые знаменитые граждане порой обязаны своими талантами самым ничтожным случайностям. Из этого я смогу заключить, что случай одинаково действует на всех людей, а если его влияние на обычные умы не так заметно, то это лишь потому, что подобные умы менее примечательны. <...> В моральном мире, как и в физическом, нас поражает только великое. У великих событий всегда предполагают великие причины. Хотят, чтобы небесные знамения предвещали крах или революции в империях. Но сколько крестовых походов было предпринято или остановлено, сколько революций совершено или предотвращено, сколько войн развязано или прекращено из-за интриг какого-нибудь священника, женщины или министра! Нам недостает мемуаров или секретных анекдотов, чтобы обнаруживать повсюду перчатку герцогини Мальборо. Применив к обычным людям то, что я говорю об империях, мы увидим, что их возвышение и падение, счастье и несчастье точно так же обусловлены некоторыми стечениями обстоятельств и бесконечным множеством непредвиденных и, на первых взгляд, ни к чему не ведущих случайностей.

Будучи сугубым материалистом, даже падение католицизма Гельвеций сводил к игре случая и физиологии:

Une grande âcreté dans la matière séminale alluma, disent les médecins, la violente passion de Henri VIII pour les femmes. C'est donc à cette âcreté que l'Angleterre dut la destruction du papisme.²⁵ L'histoire perdrait peut-être de sa

²⁴ Ibid. P. 26, 32.

²⁵ Вольтер пародировал непоследовательность рассуждений Гельвеция о движущих силах человеческих поступков в повести «Уши графа Честерфильда и капеллан Гудман», где различные теории Гельвеция разделены между главными персонажами. Капеллан Гудман не может решить, что важнее — рок (la fatalité) или любовь с честолюбием (по Гельвецию, две этих страсти сильнее всего влияют на поведение человека), путешественник Гру полагает, что всем правят деньги (т. е. гельвецианская «корысть»), а хирург Сидрак отстаивает сугубо физиологическую точку зрения: «La constipation a produit quelquefois les scènes les plus sanglantes. Mon grand-père, qui est mort centenaire, était apothicaire de Cromwell; il m'a conté souvent que Cromwell n'avait pas été à la garde-robe depuis huit jours lorsqu'il fit couper la tête à son roi. <...> Charles IX <...> était l'homme le plus constipé de son royaume. Les conduits de son côlon et

noblesse et de sa dignité, si l'on était toujours attentif à remonter ainsi jusqu'aux causes secrètes des grands événemens: mais elle en serait bien plus instructive.²⁶

Перевод:

Повышенная кислотность семени разожгла, как утверждают медики, неутолимый любовный аппетит Генриха VIII. Итак, этой кислотности Англия обязана падением католицизма. Если бы мы всегда стремились продемонстрировать тайные причины великих событий, история потеряла бы в благодестве и важности, но стала бы много поучительнее.

На первый взгляд, он вторит одной из «Мыслей» Паскаля:

Cromwell allait ravager toute la chrétienté; la famille royale était perdue, et la sienne à jamais puissante sans un petit grain de sable qui se mit dans son uretère. Rome même allait trembler sous lui. Mais ce gravier s'étant mis la, il est mort, sa famille abaissée, tout en paix, et le roi rétabli.²⁷

Перевод:

Кромвель уничтожил бы все христианство, низверг королевское семейство и навсегда утвердил свое собственное, если бы не маленькая песчинка, попавшая в его мочеточник. Перед ним пошатнулся бы и сам Рим. Но появилась эта песчинка, он умер, его семейство унижено, повсюду мир и королевская власть восстановлена.

Однако внешнее сходство примера не означает совпадения стоящих за ним взглядов: материалист Гельветий настаивал на всемогуществе случая в рамках более общей полемики с провиденциализмом; Паскаль использовал сходный казус для иллюстрации тварной

de son rectum étaient si bouchés qu'à la fin son sang jaillit par ses pores. On ne sait que trop que ce tempérament aduste fut une des principales causes de la Saint-Barthélemy» (*Voltaire. Œuvres complètes. Romans. T. 2. Paris, 1819. P. 347–348*). Перевод: «Запор иногда бывал причиной самых кровавых сцен. Мой дед, доживший до ста лет, был аптекарем Кромвеля и не раз рассказывал мне, что Кромвель приказал отрубить голову своему королю после восьми дней запора. <...> Карл IX <...> страдал самыми сильными запорами во всем королевстве. Проходы его ободочной и прямой кишки были так забиты, что в конце концов кровь начала сочиться у него из пор. Прекрасно известно, что его бешеный нрав стал одной из главных причин Варфоломеевской ночи».

²⁶ *Helvétius. Œuvres complètes. T. 2. P. 32.*

²⁷ № 750 по новейшей нумерации [Lafuma], № 176 по нумерации [Brunschvicg].

природы человека, следствием которой становится шаткость самых грандиозных его начинаний — как благих, так и дурных.

Устанавливая характер связи между текстами, в которых упомянуты одни и те же или сходные примеры, важно учитывать их трактовку в более общем контексте. Так, в способности назойливой мухи расстроить великие мысли Паскаль усматривал свидетельство человеческого ничтожества, а для Лейбница («О предопределении») та же муха стала аргументом от противного в обосновании причинной обусловленности всего в мироздании.²⁸ К числу примеров, получивших ровно противоположные толкования в полемике о случае, принадлежит смерть Лукреции: Ф. Альгаротти²⁹ и А. Рише³⁰ полагали, что именно она привела к смене государственного строя в Риме; Мабли отвергал это мнение, настаивая на том, что самоубийство Лукреции было не более чем поводом для революции, истинной причиной которой следует считать римскую «любовь к свободе»,³¹ а Вольтер язвительно отозвался о якобы благодетельных последствиях этого эпизода для европейской истории (республиканское правление закончилось приходом к власти Цезаря, который истребил три миллиона испанцев и галлов).³² Все эти мнения приводились в качестве возможных источников для «Графа Нулина» (1825) и заметки об обстоятельствах его сочинения (осень 1830):

²⁸ Оговоримся, что рассуждение о предопределенности («Von dem Verhängnisse»), впервые опубликованное во 2-м томе «Leibnizens Deutsche Schriften» (Berlin, 1840), в пушкинскую эпоху известно не было. О других использованиях этого же примера см.: *Мазур Н. Н.* Метафизика мухи: Баратынский и Паскаль // Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 2006. С. 228–237.

²⁹ *Lettres du comte Algarotti sur la Russie...* Londres, 1769. P. 285–286. Гипотеза о возможном влиянии этого текста на замысел «Графа Нулина» предложена в кн.: *Алексеев М. П.* Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 271.

³⁰ [*Richer A.*] *Essai sur les grands événemens par les petits causes, tiré d'histoire.* Genève, 1758. P. 16—24. Русский перевод И. Сокольского: *Важные приключения от маловажных обстоятельств.* М., 1786. Признательно благодарю Т. А. Китанину, обратившую мое внимание на эту книгу.

³¹ *Mably.* *De l'étude de l'histoire.* Collection complète des œuvres. Т. XII. Paris, l'an III (1794 à 1795). Предположение о том, что Пушкин при сочинении «Графа Нулина» опирался именно на Мабли, выдвинуто в статье: *Лотман Ю. М.* К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 154.

³² О возможной связи этого фрагмента «Несведущего философа» (1766) с пушкинской поэмой см.: *Кибальник С. А.* *Художественная философия Пушкина.* С. 114.

В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреция пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? — Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Гр. Нулин» писан <?> 13 и 14 дек<абря>. — Бывают странные сближения.

(XI, 188)

Черновой вариант начальной фразы заметки — «Перечитывая “Лукрецию”, довольно слабую поэму Шекспира, я внутренне повторил пошлое замечание о мелких причинах великих [пр<оисшествий>] последствий» (XI, 431), где эпитет *пошлый* употреблен в значении *расхожий, тривиальный*,³³ позволяет думать, что источников у пушкинского замысла могло быть несколько и доказать исключительное преимущество одного из них перед всеми остальными будет непросто. Интереснее, на наш взгляд, понять, с какой из более общих позиций Пушкин солидаризировался в своей трактовке случая.

В 1810—1820-е гг. в спор о соотношении случая и Промысла вступило новое поколение французских историков и историсоффов, за творчеством которых Пушкин внимательно следил.³⁴ Воодушевленные провиденциализмом и верой в прогресс, они не жалели иронии в адрес своих предшественников, веривших в могущество

³³ Любопытно, что определение «пошлый» (в том же значении — тривиальный) в статье «Александр Радищев» Пушкин дважды применил к философии Гельвеция: «Они жадно изучили начала его пошлой и бесплодной метафизики»; «Умствования оного пошлы и не оживлены слогом» (XII, 30—31, 35). Э. Кан справедливо замечает, что суровые отзывы о Гельвеции в этой статье обусловлены тактическими соображениями и не лишены лукавства (см.: Kahn A. Pushkin's Lyric Intelligence. Oxford, 2008. P. 283).

³⁴ О пушкинских открытых и скрытых откликах на трактовку роли случая и Промысла во французской историко-философской мысли первой трети XIX в. см.: Реизов Б. Г. Пушкин, Тацит и «Борис Годунов» // Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970. С. 70—77; Тойбин И. М. Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 годов. Воронеж, 1980. С. 22—23; Dolinin A. Historicism or Providentialism? Pushkin's History of Pugachev in the Context of French Romantic Historiography // Slavic Review. 1999. Vol. 58, № 2. P. 291—309.

случая. С. А. Кибальник полагает, что, пародируя в «Графе Нулине» «теорию “мелких причин великих последствий”», Пушкин тем самым примыкал к целой традиции решительной критики ее, сложившейся во французской романтической историографии». На вопрос о том, кто именно из приверженцев теории «мелких причин» был лучше всего известен Пушкину к 1825 г., Кибальник отвечает: Паскаль.³⁵

Обе части этой гипотезы не кажутся нам убедительными. Начнем со второй — наиболее уязвимой. Два хрестоматийно известных примера из «Мыслей» — песчинка в мочеточнике Кромвеля, спасшая христианство, и нос Клеопатры, который, будь он покороче, мог бы изменить ход истории, — не связаны прямо со спором о случае и Промысле; как мы уже говорили выше, Паскаль использовал их для доказательства ничтожества человека, самые великие замыслы которого могут быть разрушены песчинкой или порывом страсти. Если Пушкин действительно читал «Мысли» к 1825 г., а не полагался на пересказ этих эпизодов Барантом и другими критиками «теории мелких причин», то знал и общий контекст этих фрагментов, полемики с которым в «Графе Нулине» не прослеживается (скорее уж наоборот — «говорящая» фамилия героя поэмы подтверждает тезис о ничтожестве человека).

Гораздо более последовательным приверженцем теории «мелких причин» был Гельвеций,³⁶ труды которого Пушкину к этому времени несомненно были известны (отсылки к его теории «интереса» есть в строфах четвертой главы «Онегина», писавшихся практически одновременно с «Графом Нулиным»).³⁷ Однако если мы сопоставим пушкинскую трактовку случая в поэме и в заметке о ней со взглядами Гельвеция, с одной стороны, и французской романтической историософией — с другой, однозначного ответа на вопрос о том, с кем из них солидарен Пушкин, мы не получим.

³⁵ Кибальник С. А. *Художественная философия Пушкина*. С. 114.

³⁶ Ср.: «Les événemens de notre vie sont souvent le produit des plus petits hasards» (Перевод: «Происшествия нашей жизни часто порождены самыми мелкими случайностями»). — *Helvétius. Œuvres complètes*. Т. 2. P. 26; «...dans le physique comme dans le moral, les plus grands événemens sont souvent l'effet de causes presque imperceptibles. <...> La plupart des événemens ont des causes aussi petites» (Перевод: «...в мире физическом и моральном самые великие происшествия являются последствиями причин почти незаметных. <...> Большинство происшествий имеют такие незначительные причины»). — *Ibid.* Т. 1. P. 231–232, 233.

³⁷ Подробнее об этом см.: *Мазур Н. Н.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: Полемиические функции // Пушкин и его современники: Сб. научных трудов. СПб., 2009. Вып. 5 (44). С. 175—176.

Хотя, на первый взгляд, его ирония направлена против «пошлого замечания о мелких причинах великих последствий», сам замысел поэмы о «новом Тарквинии» согласуется с мыслью Гельвеция о том, что «случай одинаково действует на всех», но влияние его мы замечаем, только если оно касается замечательных людей. «Соблазнительное происшествие» в Новоржевском уезде, несмотря на сходство с историей Лукреции и Тарквиния, было обречено на безвестность, если бы не поэма Пушкина, которая сыграла роль всемогущего случая, обессмертив людей ничем не замечательных. Да и само появление поэмы представлено в заметке о «Графе Нулине» как результат случайного сцепления мелких причин: пребывание в деревне (вынужденное, как и у Мильтона), перечитывание «слабой поэмы» Шекспира (в глуши трудно быть строгим в выборе книг), «соблазнительное происшествие» в соседнем уезде. Финальное упоминание о том, что поэма была написана 13 и 14 декабря 1825 г., провоцирует читателя продолжить эту последовательность и реконструировать другие цепочки мелких случайностей и великих последствий, которые в декабре 1825 г. определили судьбы многих знаменитых и обычных людей, не исключая и самого Пушкина.³⁸

Неоднозначное отношение Пушкина к провиденциалистской трактовке прогресса, отрицающей роль случая, наглядно выразилось в отклике на второй том «Истории русского народа» Н. А. Полевого (написан той же осенью 1830 г., что и заметка о «Графе Нулине»):

Гизо объяснил одно из событий христианской истории: *европейское просвещение*. Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие, и отклоняя все отдаленное, все постороннее, *случайное*, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, мятежные и наконец <?> рассветающие века. <...> Но провидение не алгебра. Ум ч<еловеческий>, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* — мощного, мгновенного орудия Провидения. Один из остроумнейших людей XVIII ст<олетия> предсказал Камеру ф<ранцузских> депутатов и могущественное развитие <?> России, но никто не предсказал ни Нап<олеона>, ни Полиньяка. (XI, 127)

³⁸ Различные версии этих цепочек см. в ст.: Эйхенбаум Б. М. О замысле «Графа Нулина» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Т.] 3. С. 349–357; Лейбов Р. Г. Секст Тарквиний или принц Гарри? Из заметок о «Графе Нулине» // The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Stanford, 2007. P. 52–66.

Здесь Пушкин далек и от Гельвеция, не верившего в Провидение. Однако среди мыслителей XVIII в., которых сочувственно цитировал этот французский философ, нетрудно найти позицию, близкую к пушкинской. Эпизод с перчатками герцогини Мальборо, аналог которого Гельвеций советовал искать в любом историческом происшествии, был рассказан Фридрихом Великим в известном «Опровержении на “Государя” Маккиавелли».³⁹ В главе «Combien la fortune a de pouvoir dans les affaires du monde, et comment on lui peut résister» («Какова власть судьбы в мирских делах и как можно ей противостоять») читаем: «ни министры императора Иосифа, ни самые великие философы, ни самые умелые политики не могли подозревать, что пара перчаток изменит судьбу Европы».⁴⁰ Пока герцогиня Мальборо пользовалась фавором королевы Анны, а ее супруг одерживал военные победы на полях Брабанта, враждебная им партия тори оставалась бессильной. Герцогиня и королева заказали перчатки у одного и того же перчаточника; нетерпеливая герцогиня настояла на том, чтобы ее обслужили первой; ее недобрежелательница сообщила об этом королеве так искусно, что та возненавидела наглую фаворитку. Скорое падение герцогини Мальборо привело к поражению партии вигов и союзников императора Иосифа и к заключению столь желанного для Франции мира:

Tel est le jeu des choses les plus graves du monde: la Providence se rit de la sagesse et des grandeurs humaines; des causes frivoles et quelquefois ridicules changent souvent la fortune des États et des monarchies entières.⁴¹

Перевод:

Такова игра с самыми серьезными предметами в мире: Провидение насмехается над людской мудростью и величием — пустые, а подчас и смешные причины нередко меняют судьбу сословий и целых монархий.

Этот фрагмент «Анти-Макиавеля» близок не только к определению случая как «мощного, мгновенного орудия Провидения» в пушкинских заметках об «Истории русского народа» Полевого.

³⁹ Его русский перевод имелся в библиотеке Тригорского: Анти-Макиавель, или Опыт возражения на Макиавелю науку о образе государственного правления, сочинен <...> Фридрихом II. СПб., 1779 (см.: *Модзалевский Б. Л. Поездка в село Тригорское в 1902 году // Пушкин и его современники: Материалы и исследования.* СПб., 1903. Вып. 1. С. 50 (№ 329)).

⁴⁰ *Œuvres primitives de Frédéric II, roi de Prusse ou Collection des ouvrages qu'il publia pendant son règne.* 6-me éd. Potsdam, 1805. T. 1. P. 118.

⁴¹ *Ibid.* P. 119.

Образ Провидения, *насмехающегося* над людьми, перекликается со строками «Медного всадника»: «...иль вся наша / И жизнь ничто, как сон пустой, / Насмешка неба над землей?» (V, 142) с характерным вариантом «Насмешка рока над землей» (V, 498).

В европейской культуре XVIII — начала XIX в. спектр взглядов на роль случая был чрезвычайно широк — от античной модели всевластия случая (богини Тихе) до провиденциалистской веры в то, что все события подчинены Божьей воле (Мф. 10: 29–31), — веры, граничившей с постепенно входившим в моду восточным фатализмом. Фридрих в «Анти-Макиавеле» занял промежуточную позицию: с одной стороны, его Провидение наделено недоброй насмешливостью, свойственной капризной Тихе, с другой стороны, случай так или иначе детерминирован поступками человека. Для выражения этого взгляда он воспользовался метафорой игры в кости, где результат, как бы он ни был случаен, определяется движениями руки игрока:

La fortune et le hasard sont des mots vides de sens,⁴² qui selon toute apparence doivent leur origine à la profonde ignorance dans laquelle croupissoit le monde, lorsqu'on donna des noms vagues aux effets dont les causes étoient inconnues. <...> Ce qu'on entend par le hasard, ne sauroit mieux s'expliquer que par le jeu des dés. Le hasard, dit-on, a fait que mes dés ont porté plutôt douze que sept. Pour décomposer ce phénomène physiquement, il faudroit avoir les yeux assez bons pour voir la manière dont on fait entrer les dés dans le cornet, les mouvemens de la main plus ou moins forts, plus ou moins réitérés, qui les font tourner, et qui impriment aux dés un mouvement plus vif ou plus lent: ce sont ces causes qui, prises ensemble, s'appellent le hasard.⁴³

Перевод:

Судьба и случай — слова, лишённые смысла и, судя по всему, обязанные своим появлением мраку невежества, в котором пребывал мир, когда люди давали смутные имена следствиям неведомых причин. <...> Проще всего объяснить, что понимают под случаем, на примере игральные костей. Люди говорят: «Волею случая мне выпало двенадцать, а не семь». Чтобы понять физический смысл этого явления, нужно иметь достаточно острый глаз, который заметит, как кости положили в стакан, как сильно и сколько их трясли и поворачивали, быстро или медленно их выбрасывали: вот причины, которые, соединённые вместе, называют случаем.

Этот образ, предшествовавший рассказу о перчатках герцогини Мальборо, подводил читателя к выводу о том, что падение

⁴² Ср. парафразу этих слов у Ансильона: «Le hasard seroit un mot vide de sens» — см. выше.

⁴³ Œuvres primitives de Frédéric II... P. 116—117.

герцогини было вызвано ее собственным неразумным поведением, — выводу, чересчур тривиальному или, говоря языком пушкинского времени, «пошлomu», чтобы прусский король сделал его сам.

Исходя из этого Фридрих советовал относиться к случаю как к болезни — терпеливо переносить его приступы, уметь принориться к его причудам, но не отступать от той линии поведения, которая в наибольшей степени соответствует общему духу времени.

Гельвеций почти дословно повторил метафору игры в кости в трактате «О человеке»:

...je ne regarde point le hasard comme un être; que je n'en fais point un dieu; et que par ce mot je n'entends que «l'enchaînement» des effets dont nous n'apercevons pas les causes. C'est en ce sens qu'on dit du hasard, *il conduit le dé*; cependant tout le monde sait que la manière de remuer le cornet et de jeter ce dé, est la raison suffisante qui fait amener plutôt telle que sonnet.⁴⁴

Перевод:

...я не рассматриваю случай как некое существо, я не делаю из него бога,⁴⁵ под этим словом я понимаю «сцепление» последствий, причины которых нам не ясны. В этом смысле говорят о случае, что он *управляет игральными костями*, хотя всему миру известно, что от того, как трясут стакан и бросают кости, зависит, что выпадет — тройка или шестерка.

Как и Фридрих, Гельвеций признавал, что человек своим поведением подготавливает ту или иную возможность для действия случая — в главе «О гении» трактата «Об уме» читаем:

Quelque rôle que je fasse jouer au hasard, quelque part qu'il ait à la réputation des grands hommes, le hasard cependant ne fait rien qu'en faveur de ceux qu'anime le désir vif de la gloire.⁴⁶

Перевод:

Какова бы ни была та роль, которую я придаю случаю, каково бы ни было его влияние на репутацию великих людей, случай тем не менее благо-склонен лишь к тем, кого одушевляет живая жажда славы.

Переменчивость пушкинских воззрений на случай не раз отмечалась — и в его текстах, и в его биографии можно найти примеры прямо противоположного к нему отношения. Однако

⁴⁴ *Helvétius. Œuvres complètes. T. 2. P. 194.*

⁴⁵ Ср. зачеркнутую Пушкиным строку «И Случай бог изобретатель».

⁴⁶ *Helvétius. Œuvres complètes. T. 1. P. 436—437.*

просвещенческая вера в то, что человек вольно или невольно, в той или иной степени предопределяет воздействие на него случая, была тем компромиссом, к которому его мысль регулярно возвращалась от крайностей каузальности и казуальности. Неверный жест Германа, собственной рукой вытаскившего не ту карту, и заячий тулупчик, подаренный Петрушей «вожатому» в «Капитанской дочке», — из числа тех самых «неслучайных случайностей».

Н. Н. Мазур

ГАСКОНЕЦ ИЛИ ХВАСТУН: О ПЕРЕВОДЕ ОДНОГО ИЗ НАБРОСКОВ ПРЕДИСЛОВИЯ К «БОРИСУ ГОДУНОВУ»

Как известно, пьеса «Борис Годунов» вышла в свет без предисловия. Пушкин не оставил идеи такого предисловия, но отложил его до второго издания трагедии, которому не суждено было появиться при его жизни.¹ Свои мысли о русском театре и о «Борисе Годунове» Пушкин неоднократно излагал в письмах (П. А. Вяземскому, В. А. Жуковскому, Н. Н. Раевскому-младшему), в статьях и заметках («О народной драме и драме “Марфа посадница”») и в том, что считается «набросками предисловия к “Борису Годунову”». Сохранилось несколько таких набросков, которые создавались в разное время, преимущественно в 1829–1830 гг., когда появилась надежда на издание пьесы. Этот комплекс текстов, однако, неоднороден (часть отрывков написана по-французски, часть — по-русски) и в разных изданиях Пушкина (начиная с издания П. В. Анненкова и кончая советскими изданиями) печатался по-разному. История вопроса подробно изложена в комментированном издании «Бориса Годунова», вышедшем в 2008 г. под редакцией М. Н. Виролайнен и А. А. Долинина, а также в 7-м томе нового Полного собрания сочинений Пушкина, к которым мы и отсылаем читателя.²

Редакторы этих изданий, в частности, не включили в состав набросков черновое письмо Н. Н. Раевскому-младшему от 30 января

¹ В октябре — начале ноября 1831 г., обдумывая возможность переиздания «Бориса Годунова», Пушкин писал Е. Ф. Розену: «...думаю для второго издания написать к вам письмо, если позволите, и в нем изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагедию» (XIV, 240).

² *Пушкин А. С.* Соч.: Комментированное издание / Под общ. ред. Д. М. Бетеа. М., 2008. Т. 2: Борис Годунов. С. 338–359 (примеч. М. Н. Виролайнен); АПСС. Т. 7 / Под ред. Л. М. Лотман и М. Н. Виролайнен. С. 717–731 (примеч. М. Н. Виролайнен).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 31

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПУШКИНСКОГО ДОМА

Санкт-Петербург

2013